

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД

А.В. ПОГОДИН,

доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета

А.В. ПУТИНЦЕВ,

кандидат юридических наук,
ассистент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Э.В. КРАСНОВ,

кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета

<https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-5-41-59>

В статье с использованием в качестве методологического ключа авторской трактовки прав и свобод как явлений конкретной социальной практики рассматривается их функциональная роль в процессуально-правовой защите. Обосновывается тезис о важности разграничения прав – объектов защиты, процессуальных прав и создающих юридико-социальный контекст прав в повседневной жизнедеятельности. Выделяются и подробно характеризуются такие свойства прав и свобод, как субъектность, ситуационная практичность, формальная определенность и системность. Обращается внимание на множественность субъектов процессуально-правовой защиты, ввиду чего необходимо учитывать возможность явных и скрытых конфликтов интересов субъектов. В качестве единицы анализа предлагается правовая ситуация как сложное сочетание юридических и социальных элементов, предопределяющее совокупность конкретных прав, свобод и обязанностей участников процессуально-правовой защиты. Указывается на формализацию прав и свобод в юридических документах, системную обусловленность прав, свобод, законных интересов и обязанностей; предлагается автор-

ское определение прав и свобод. В заключение формулируется теоретическая модель алгоритма деятельности субъекта гражданско-процессуальной защиты, в основе которой лежит оценка материальной ситуации и материальных прав – объектов защиты и возможностей создания и разрешения адекватных целям процессуально-правовой защиты процессуально-правовых ситуаций.

Ключевые слова: юридические права и свободы; внеюридические права и свободы; признаки прав и свобод; гражданская процессуально-правовая защита; индивидуальные и коллективные субъекты права; юридические документы общего действия; индивидуальные юридические документы; правовой статус; алгоритм деятельности субъекта процессуально-правовой защиты; объективное и ситуационное право; национальная безопасность.

PROCEDURAL AND LEGAL PROTECTION OF RIGHTS AND FREEDOMS

A.V. POGODIN,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Kazan (Volga Region) Federal University

A.V. PUTINTSEV,

Candidate of Legal Sciences, Assistant,
Department of Theory and History of State and Law,
Kazan (Volga Region) Federal University

E.V. KRASNOV,

Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer,
Department of Theory and History of State and Law,
Kazan (Volga Region) Federal University

Using the author's interpretation of rights and freedoms as phenomena of specific social practice as a methodological key, the article examines their functional role in procedural legal protection. The thesis about the importance of distinguishing between rights-objects of protection, procedural rights and rights that create a legal and social context in everyday life is substantiated. Such properties of rights and freedoms as subjectivity, situational practicality, formal certainty and consistency are underlined and characterized in detail. Attention is drawn to the plurality of subjects of procedural legal protection, which is why it is necessary to take into account the possibility of explicit and hidden conflicts of interests

of subjects. As a unit of analysis, the legal situation is proposed as a complex combination of legal and social elements that predetermines the totality of specific rights, freedoms and obligations of participants in procedural legal protection. It points to the formalization of rights and freedoms in legal documents, the systemic conditionality of rights, freedoms, legitimate interests and obligations, the author's definition of rights and freedoms is proposed. In conclusion, a theoretical model of the algorithm of the activity of the subject of procedural protection is formulated, which is based on an assessment of the material situation and material rights – objects of protection and the possibilities of creating and resolving procedural and legal situations adequate to the goals of procedural legal protection.

Keywords: legal rights and freedoms; non-legal rights and freedoms; signs of rights and freedoms; civil procedural legal protection; individual and collective subjects of law; legal documents of general validity; individual legal documents; legal status; algorithm of activity of the subject of procedural protection; objective and situational law; national security.

1. Определение проблемы

В практике национальной безопасности современной России в качестве относительно самостоятельной подсистемы есть институты государства, гражданского общества, специально уполномоченные субъекты – представители институтов, которые непосредственно защищают (должны защищать) права и свободы. Уровень защиты прав и свобод человека, социальной группы, общества и государства является важнейшим показателем эффективности системы обеспечения национальной безопасности.

Несмотря на практическую значимость процессуально-правовой защиты прав и свобод, это сравнительно новая междисциплинарная тема для юридической науки и формирующейся теории национальной безопасности. Для теоретико-методологического обоснования исследования необходимо определить основные параметры процессуально-правовой защиты прав и свобод. Поэтому выделим институционально-организационную структуру, нормативно-правовую базу, функционал процессуально-правовой защиты прав и свобод.

В институциональную структуру входят следующие институты государства: 1) суды различной юрисдикции; 2) судебная медиация и переговоры; 3) прокуратура; 4) органы следствия и дознания, другие правоохранительные органы; 5) Уполномоченный по правам человека в РФ и уполномоченные по защите прав человека в иных сферах. С этими институтами активно взаимодействуют и дополняют друг друга институты гражданского общества: 1) третейский суд; 2) нотариат; 3) адвокатура; 4) правозащитные организации, другие институты правоохраны. Кроме того, в институциональную структуру процессуально-правовой защиты прав и свобод входят международные организации, например Европейский суд по правам человека и др.

Нормативно-правовая база в виде норм объективного права представлена ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, УПК РФ, а также нормативно-правовыми актами регулирования институтов процессуально-правовой защиты прав и свобод. В объективном праве закреплена институциональная структура процессуально-правовой защиты, субъекты с определенным правовым статусом, методы, цели, принципы их деятельности по защите прав и свобод, модели конкретных процессуально-правовых отношений и т.д.

Функции процессуально-правовой защиты, точнее, функции субъектов в этой практике, осуществляются: во-первых, в процессе создания субъективных прав и свобод в конкретной жизненной ситуации (определение пределов прав и свобод, надлежащая правовая форма, максимально гарантирующая реализацию прав и свобод); во-вторых, в ходе реализации прав и свобод (устранение преград в реализации прав и свобод, восстановление прав и свобод, меры превенции, разрешение спора о праве, обеспечение реализации прав и свобод, пресечение нарушения прав и свобод); в-третьих, в пространстве и времени после реализации субъективных прав и свобод, когда они стали социально-юридическим фактом (подтверждение факта прав и свобод, восстановление прав и свобод, сохранение результатов реализации прав и свобод в пространстве и времени).

Теоретическое знание прав и свобод необходимо каждому участнику процессуально-правовой защиты. Это знание позволяет различать и эффективно использовать: а) процессуальные права; б) права и свободы как один из объектов процессуально-правовой защиты; в) права и свободы в повседневной жизнедеятельности. В современной России все необходимые для качественной жизнедеятельности человека, социальной группы, общества и государства права и свободы регулируются правом, прежде всего при помощи Конституции РФ, законов, а также индивидуальных юридических документов.

Наряду с юридическими есть внеюридические права и свободы, т.е. такие, которые не подвергаются правовому регулированию. Во-первых, социально позитивные права регулируются общепринятыми обычаями, нравственностью, корпоративными нормами общественных организаций, кодексами этики. Они могут быть объектом процессуально-правовой защиты, но только при определенных условиях. Например, внеюридические права и свободы в процессе индивидуального нормативно-правового регулирования закрепляются в правовой форме договора, становятся юридическими и входят в предмет процессуально-правовой защиты¹.

Во-вторых, социально негативные права и свободы в неодобряемых общественным и государством социальных практиках, например внутри организованного преступного сообщества. Такие права не подлежат процессуально-правовой защите ни при каких условиях.

¹ См., например: Низамиева О.Н. Особенности реализации регулятивной функции семейно-правовых договоров // Lex Russica. 2020. № 10. С. 33. Она же. О гарантирующем эффекте договоров в семейном праве // Российская юстиция. 2021. № 6. С. 25–32.

Правовое регулирование придает правам и свободам *формальную определенность; информационную открытость и доступность; возможность по усмотрению субъекта выбрать вариант правомерного поведения в пределе допустимого; эффект «гарантированного результата» через систему защиты со стороны заинтересованного субъекта, институтов гражданского общества, государства и даже международных институтов; сбалансированное соотношение с законными интересами, обязанностями, запретами, ограничениями, поощрениями, наказаниями в правовом статусе субъекта; высокую социальную ценность и значение для эффективной практической деятельности.*

Надо различать целое – право (синтез объективного и ситуационного права) и часть – юридические права, свободы¹. В праве закреплены не только права и свободы, обязанности, законные интересы, запреты, ограничения, поощрения, наказания, но и субъекты, цели, принципы, методы деятельности и т.д. В чем специфика юридических прав и свобод?

2. Субъектность

Кому адресованы, кто реализует в повседневной жизнедеятельности права и свободы? Это индивидуальные и коллективные субъекты. К первым относится человек, например гражданин РФ, мигрант, иностранный гражданин, лицо без гражданства; ко вторым – объединения людей:

- социальная группа: семья, трудовой коллектив, члены акционерного общества, учредители юридического лица, организаторы и участники митинга и т.п.;
- общество на различных уровнях объединения: жители муниципалитета, региона, все граждане РФ как единый многонациональный народ;
- региональные и муниципальные органы власти и управления, лица, замещающие на федеральном и региональном уровнях должности государственной службы, должности муниципальной службы, государственные и муниципальные должности;
- государство в целом, особая социальная группа (корпорация) чиновников и государственных служащих, а также отдельные институты государства: Государственная Дума, прокуратура, Федеральная налоговая служба и т.п.

Права и свободы реализуют непосредственно сами индивидуальные субъекты или их законные представители. Коллективные субъекты реализуют права и свободы в исключительной ситуации, в повседневной жизнедеятельности от их имени и в их интересе должен действовать специально уполномоченный субъект или субъект в составе группы. Законное представительство человека, социальной группы общества или государства неизбежно порождает возможность конфликта интересов, это необходимо учитывать в процессуально-правовой защите.

¹ *Погодин А.В., Краснов Э.В.* Право как элемент практики (практические основания интегративной теории права) // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 11–26.

Рассмотрим типичные ситуации. Во-первых, дееспособный человек может по доверенности, договору поручить уполномоченному реализовывать свои права и свободы, например, адвокат или группа адвокатов действует от имени и в интересах доверителя в суде, тем самым реализуя его права и свободы. Во-вторых, недееспособного человека на основании юридического документа представляет опекун, попечитель. В-третьих, от имени и в интересах коллективного субъекта реализует его права и свободы специально уполномоченный субъект или в силу официально занимаемого положения должностное лицо, а в сложной ситуации – группа должностных лиц, например состав суда, коллегия министерства, совет директоров. В-четвертых, общество и государство на международной арене представляет высшее должностное лицо – Президент РФ.

В объективном праве субъекты, которым адресованы права и свободы, неперсонифицированы, не названы поименно. Для обозначения тех, кому адресованы права и свободы, используются обезличенные термины: семья, юридическое лицо, Федеральная налоговая служба, потребитель, кредитор, истец, ответчик и т.п. В конкретной практике и конкретной жизненной ситуации в процессе реализации прав и свобод субъекты всегда персонально поименованы. Поэтому в процессуально-правовой защите необходимо определять правосубъектность ее участников: 1) является конкретный субъект правоспособным и 2) одновременно надлежащим субъектом прав и свобод или нет.

Множественность субъектов создает не только проблему идентификации субъекта, но и проблему конкуренции прав и свобод. В современной России в теории и практике сложилось четкое понимание в виде неформального правового принципа: социально ответственный субъект стремится в конкретной ситуации не злоупотреблять правами и свободами, соотносить свои права и свободы с правами и свободами других субъектов, находить разумный компромисс, как бы сложно ни было. Данный неформальный правовой принцип, как любой принцип такого рода, можно рассматривать в качестве своеобразной внесудебной преюдиции для процессуально-правовой защиты прав и свобод.

Чьи интересы, а следовательно, права в приоритете для процессуально-правовой защиты? В соответствии с Конституцией РФ ответ однозначный – интересы и права человека. Однако социальная справедливость, принципы права, действующее законодательство, правореализационная практика дают другой ответ: в приоритете права правомерно действующего субъекта. В спорах о праве между человеком, социальной группой, обществом, муниципальными и государственными органами, государством процессуально-правовой защите подлежат права того субъекта, который действует или бездействует в соответствии с правовыми требованиями и юридически значимыми фактами.

В данном признаке права и свободы абсолютно идентичны. Право на труд, право социальной группы на организацию митинга, право государства устанавливать социально обоснованные налоги, право поручить уполномоченному

действовать от имени и в интересах доверителя, свобода слова, свобода вероисповедания, другие права и свободы адресованы субъектам и реализуются ими. Без субъекта нет прав и свобод, они существуют лишь в тексте закона в форме правового идеала – общей (неперсонифицированной) нормы. Реальным фактом жизнедеятельности, работающим элементом практики они становятся в процессе ситуационной конкретизации общей нормы и последующей реализации конкретным субъектом или его законным представителем.

3. Ситуационная практичность

Как возникают права и свободы в практике? Что они дают субъекту? Права и свободы – не гениальное изобретение специалистов-практиков, ученых, политиков, не заслуга борцов за права человека. Они возникают как закономерный результат развития практик. Жизнедеятельность человека, социальной группы, общества, государства состоит из практик. Образовательная практика, выборная практика, судебная практика, другие виды практик невозможны без прав и свобод. Эффективная деятельность в практике, достижение поставленных целей возможны, если в праве закреплены права и свободы, субъекты знают свои права и свободы, умеют пользоваться ими в конкретной жизненной ситуации.

Права и свободы дают субъекту ряд правомочий: правомочие на собственное поведение в границах правового поля свободы, в том числе правомочие на информацию, на безопасность¹; правомочие требовать от обязанного и тре-

¹ Такие правомочия сравнительно редко выделяются в общей теории права. На уровне отраслевых наук выделение отдельных правомочий того или иного права в качестве приема познания используется чаще, что обусловлено в свою очередь детализацией конкретных возможностей поведения, подразумеваемых субъективным правом, в нормативных правовых актах. Тем не менее есть все основания считать безопасность и информацию объектами законных интересов, в современном обществе сопутствующих реализации любого права или свободы. В самом деле, принцип «права и свободы одного субъекта ограничены правами другого», возможность постановки и разрешения вопроса о балансе интересов личности, социальных групп и государства связаны с тем, что реализация прав и свобод одних субъектов может угрожать безопасности других субъектов и даже самого правореализатора. Одной из функций права является снижение уровня опасности и риска в процессе правореализации, что достигается через механизмы гарантий, ответственности, процедур и правовой, в том числе гражданско-процессуальной, защиты. См. также рассуждения на этот счет А.Ф. Галузина, пришедшего к выводу, что «правомочия на безопасность являются элементом состава каждого законного права» (Галузин А.Ф. Правовая безопасность и ее принципы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 34).

Что касается информации, то логично, что, во-первых, знание о наличии у субъекта того или иного права и механизмах его защиты, во-вторых, знание любых других лиц о наличии у субъекта права тех или иных права или свободы делают возможным осуществление прав, служат гарантией защиты для заинтересованного субъекта и препятствуют неумышленным посягательствам на него со стороны всех остальных субъектов. Наиболее ярким выражением этого правомочия является презумпция знания закона, без которой правовое регулирование не могло бы существовать как таковое. Кроме того, следует подчеркнуть невозможность функционирования субъекта в практике без информации об объектах и о субъектах практики, что на уровне прав и свобод невозможно без правомочия информации об объекте права, о субъектах права и третьих лицах, которые могут иметь какие-либо права или правомочия относительно того же самого объекта.

тых лиц не препятствовать правомерной реализации права, а в отдельных случаях и содействовать ей; правомочие на правомерную самооборону, а если это недостаточно, то возможность обратиться в государственные и легальные негосударственные, в том числе в международные институты за защитой права; дополнительно к данным правомочиям необходимо добавить правомочие не злоупотреблять правом или каким-то отдельным его правомочием. Стоит заметить: объектом процессуально-правовой защиты могут быть как права, свободы в целом, так и отдельные правомочия.

Любая практика на микроуровне делится на типичные и нетипичные ситуации. Ситуация в статике состоит из таких элементов, как субъекты с определенным правовым статусом, объекты-ценности, факты (объективные обстоятельства), правовые и внеправовые нормы-регуляторы, материальные и нематериальные ресурсы, методы. В сложных ситуациях могут быть дополнительные элементы, например юридические документы, гарантии. Ситуация в динамике состоит из различных правовых и внеправовых общественных отношений, в которых элементы ситуации взаимодействуют, образуя целостную систему.

В каждой ситуации есть объект-ценность, удовлетворяются интересы и потребности субъектов в процессе реализации прав и свобод. Гражданский оборот объектов-ценностей, их движение (создание, хранение, обмен, аренда и т.п.) связаны с реализацией прав и свобод. Они дают возможность субъекту по своему усмотрению при наступлении юридически значимых фактов выбирать объект-ценность, активно действовать в практике. В случае противодействия со стороны других субъектов права и свободы позволяют защищать свои интересы как лично в пределе правомерной самообороны, так и через легальные институты гражданского общества, государства, международные институты.

Ситуационная практичность прав и свобод четко прослеживается в ходе обновления ситуаций практики: права и свободы меняются, наполняются новым содержанием вслед за изменениями в практике. Если возникает новая практика, то вообще появляются новые права и свободы. Специалисты-практики, ученые, лидеры общественного мнения анализируют практику, ее типичные ситуации, например, относительно новую практику использования сети Интернет в социальной коммуникации, формализуют в публицистическом или научном тексте права, свободы, другие элементы типичной ситуации. Политики, зачастую под давлением правозащитников, осуществляют правовое регулирование, обновляют права и свободы, закрепляют новые права и свободы в тексте закона. Если по каким-либо причинам не осуществляется правовое регулирование со стороны государства, то участники практики через технологию индивидуального нормативно-правового регулирования создают ситуационно актуальные юридические права и свободы, в типичных ситуациях используется технология правового обычая¹.

¹ См. подробнее: *Погодин А.В., Путинцев А.В., Шаракшинова Т.Ч.* Технологическое понимание источников права // *Образование и право.* 2018. № 9. С. 46–51.

Ситуационная практичность в равной мере применима для характеристики прав и свобод. В данном признаке юридические права ничем не отличаются от свобод. Юридические свободы, как и права, дают возможность в конкретной жизненной ситуации активно действовать, защищать свои законные интересы, получать необходимые материальные и духовные ценности. Например, в ситуации переезда в другой регион реализуется свобода передвижения. Здесь есть все элементы типичной ситуации: субъекты, объекты-ценности, факты, свобода передвижения и т.п.

Права и свободы – неотъемлемая составляющая конкретной жизненной ситуации в конкретной практике. Они наполнены содержанием практики. Логично сформулировать закономерность: знание прав, свобод, других типичных элементов ситуации, умение использовать их в повседневной жизнедеятельности – обязательное условие эффективной практической деятельности субъектов, особенно субъектов процессуально-правовой защиты, прежде всего функционально и организационно доминирующего субъекта, например в гражданской процессуально-правовой защите судьи (состава суда).

4. Формальная определенность

Где субъект может найти права и свободы для использования в конкретной жизненной ситуации? Права и свободы формально определены, информационно открыты и доступны в правовом тексте на бумажном или электронном носителе. Они существуют в форме правовой модели поведения в юридических документах. Все юридические документы делятся на две группы.

Первую группу составляют *юридические документы общего действия*, прежде всего Конституция РФ, федеральные и региональные законы. Это своеобразные формальные источники, которые наполнены содержанием регулируемой практики, в том числе правами и свободами для неопределенно широкого круга лиц. Закон об образовании содержит права и свободы обучающихся и других участников образовательной практики. Закон о защите прав потребителей закрепляет права и свободы любого правомерно действующего потребителя и т.д.

Основные права и свободы (более 30 отдельных прав, около пяти свобод) закреплены в Конституции РФ. В законах основные права и свободы детализированы с низкой, средней, высокой степенью по видам практик и типичным ситуациям. В действующей Конституции РФ (гл. 2, ст. 17–64) регулируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с такими международно-правовыми актами, как Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования от 14 декабря 1960 г., Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин от 7 ноября 1967 г. и т.д. Указанное позволяет отнести институт прав человека к интернациональным, общеправовым¹.

¹ Валиев Р.Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель // Lex Russica. 2020. № 4. С. 114.

Несмотря на то что в Конституции РФ права и свободы сформулированы и адресованы человеку, есть все основания расширительно трактовать конституционные права и свободы: они адресованы всем субъектам социума – не только человеку, но и социальным группам, обществу, государству.

В исторической ретроспективе с точки зрения формальной определенности между правами и свободами есть некоторые отличия. С момента принятия международно-правовых документов во многих странах права закрепляются в конституциях и детализируются в законах, а свободы закрепляются в конституциях, но не детализируются в законах. В современной России, как в других странах, свободы регулируются с помощью Конституции РФ и законов. Сегодня в формально-правовом аспекте права и свободы абсолютно идентичны.

В этой связи возникает закономерный вопрос: если права и свободы обладают одинаковыми признаками (субъектность, ситуационная практичность, формальная определенность), то почему используются различные термины для обозначения одного и того же объекта? Здесь действует терминологическая инерция, точнее, исторически сложившаяся традиция словоупотребления.

Вторую группу образуют *индивидуальные юридические документы*, например договор, доверенность. Общие, неперсонифицированные права и свободы на основе свободы воли конкретизируются с учетом объективных фактов ситуации, индивидуальных интересов и возможностей конкретного субъекта, других участников ситуации. В индивидуальном юридическом документе, например договоре конкретного студента с представителем университета об обучении на платной основе, фиксируется переход прав и свобод из состояния общей нормы в индивидуальную норму – субъективные права индивидуально поименованного субъекта.

Формализованное субъективное право как результат свободного осознанного выбора варианта правомерного поведения в конкретной жизненной ситуации является правовой основой эффективной практической деятельности. Если формализованное субъективное право отсутствует там, где оно необходимо (используется прямое действие Конституции, закона), то, как правило, нет и правовой возможности гарантированно защитить при помощи правовых средств свои законные интересы и наоборот.

Индивидуальные юридические документы создаются в сложных ситуациях. Во-первых, когда есть прямое указание в законе о необходимости составления индивидуальных документов. Например, жители муниципального образования принимают решение о единовременном денежном сборе для реализации актуального проекта, участники государственно-частного партнерства заключают договор и создают иные документы. Во-вторых, когда в законе нет общих прав и свобод, хотя по содержанию нормативно-правового регулирования должны быть (пробел в объективном праве) или они сформулированы предельно абстрактно (правовая неопределенность). В данной ситуации, если не затраги-

ваются публичные интересы и объекты-ценности, субъекты могут самостоятельно, с учетом своих законных частных индивидуальных интересов, объективных фактов, не нарушая прав и свобод других субъектов в соответствии с принципами объективного права, формализовать в юридическом документе ситуационно актуальные права и свободы, следовательно, преодолевать правовой пробел, конкретизировать правовую неопределенность закона.

В простой ситуации нет необходимости создавать юридический документ, вполне достаточно в правосознании субъекта конкретизировать общие права и свободы, сформулировать когнитивное субъективное право (свободу), затем осуществить реализацию, например, в практике розничной купли-продажи так действуют покупатель и продавец¹. Здесь используется юридический документ – чек оплаты, он подтверждает факт реализации субъективных прав покупателя и продавца.

Таким образом, общие права и свободы формально определены в Конституции, законах, международных нормативных правовых актах, что позволяет через практику правового регулирования юридически организовывать другие социальные практики². Из этих формально-правовых источников субъект берет необходимые права и свободы в конкретной жизненной ситуации. В простой ситуации он конкретизирует общие права и свободы, формирует в правосознании когнитивные субъективные права и свободы; в сложной ситуации, с учетом индивидуальных интересов, возможностей, ситуационных фактов, создает формализованные в индивидуальном юридическом документе субъективные права и свободы.

5. Системность

Как связаны права и свободы с системой правового статуса субъекта? В систему правового статуса входят системообразующие и системосоставляющие подсистемы. На примере прав и свобод гражданина РФ более подробно рассмотрим системосоставляющую подсистему. Ее образуют права, свободы, законные интересы, обязанности, запреты, ограничения, поощрения, наказания. В любой конкретной жизненной ситуации, например проезд в общественном транспорте, каждый из этих элементов выполняет специфическую функцию в регуляции поведения. Однако только дополняя друг друга, взаимодействуя, создавая системный эффект синергии, они полноценно действуют, эффективно «работают» в практике.

Особенно важны права, свободы и обязанности. Права, свободы и обязанности требуют от участников ситуации действий, запреты – бездействия, а ограничения определяют пределы действий и бездействия. Поощрения и наказания

¹ *Погодин А.В.* Субъективное право в правореализации не существует в чистом виде // *Право и государство: теория и практика.* 2015. № 10. С. 10–12.

² *Валиев Р.Г.* Практика правового регулирования: актуализация и категоризация общетеоретического знания // *Теория государства и права.* 2021. № 4. С. 59.

обеспечивают взаимодействие прав, свобод, обязанностей, запретов, ограничений. Юристы сформулировали принцип: нет прав и свобод без обязанностей, как нет обязанностей без прав и свобод. Действительно, пассажир имеет право для удовлетворения своего законного интереса на проезд из точки А в точку Б, перевозчик обязан доставить пассажира, но у него есть право требовать оплаты за проезд, а у пассажира – обязанность оплатить перевозку.

Единство прав, свобод и обязанностей отчетливо прослеживается даже в исключительных ситуациях, когда есть всего один субъект, например, наследодатель составляет завещание, реализует свои право и обязанность, поскольку он обязан в надлежащей форме составить индивидуальный юридический документ, при необходимости учесть интересы иждивенцев, нетрудоспособных членов семьи.

Права и свободы не существуют в «чистом виде», как самостоятельный элемент конкретной ситуации в конкретной практике. Они входят в систему правового статуса субъекта. Для человека, социальной группы, общества, государства равно важны права, свободы, законные интересы, обязанности, запреты, ограничения, поощрения, наказания. Синергия взаимодействия этих элементов обеспечивает и защищает законные интересы субъектов. Эти обстоятельства необходимо учитывать в процессуально-правовой защите.

Говоря о системности, следует отметить еще один немаловажный аспект прав и свобод, а именно то, что это многогранное социальное явление и его юридическое измерение, о котором преимущественно шла речь выше, лишь один из аспектов бытия этого феномена. Права и свободы являются юридическим отражением меры возможностей, доступных человеку, социальным группам, всему обществу или государству, обусловлены конкретным исторически сложившимся балансом экономических сил и нематериальных ценностей в данном обществе. Однако помимо юридического компонента можно выделить также материальный и социально-психологический аспекты права, свободы. Вместе они образуют систему, которая дает возможность не просто существования права и свободы, но и их реализации.

Под материальным аспектом нужно понимать объект-ценность, именно на него направлены конкретные права и свободы. Это могут быть собственно материальные предметы, продукты интеллектуальной деятельности, личные нематериальные блага. Их существование в обществе, ценностная иерархия, сложившаяся в данном социуме, определяют динамику осуществления прав, свобод и разрешения конфликтов между их носителями. В частности, жизнь считается высшей ценностью, соответственно, связанные с ней права имеют приоритет перед правами, направленными на другие ценности. Также, например, (1) обеспечение интересов детей в семейном праве имеет приоритет перед абсолютным характером имущественных прав родителей (в гражданско-процессуальной защите это может проявляться в дополнительных гарантиях или распределении

бремени и в определении предмета доказывания по делам об усыновлении или удочерении, доказывания, длительности досудебной подготовки и т.д.¹); (2) особенно ярко приоритет права на жизнь виден в институтах крайней необходимости и необходимой обороны.

Социально-психологический аспект имеет три основных проявления: во-первых, понимание ситуационного объекта как ценности, необходимой субъекту, мотивация, целеполагание и формирование интереса; во-вторых, знание о праве, составляющих его полномочиях или свободе; в-третьих, совокупность ценностного отношения и позитивных установок к этим праву или свободе. Причем это может быть как знание и отношение самого субъекта, так и сложившиеся в той или иной группе социальные представления, ставшие нормальными для той или иной группы и делающие тот или иной вариант правомерного поведения (например, использование или неиспользование права, активность в его защите) более ожидаемым, чем другие.

Так, сложившееся представление о невозможности выиграть в суде у органов государства или правовой нигилизм директора юридического лица могут привести к отказу от гражданско-процессуальной защиты или стимулировать обращение в третейские суды вместо государственных. Возможна ситуация, когда отношения подрядчика и заказчика длительное время в силу сложившегося обычая делового оборота будут строиться на внесудебном решении разногласий, а также на экономической логике зависимости подрядчика от заказчика, что будет препятствовать обращению подрядчика к гражданско-процессуальной защите.

В процессуально-правовой защите необходимо выявлять причины нарушения прав и свобод. Причины разнообразны: они зависят от содержания конкретной практики и ситуации, индивидуальных психоэмоциональных особенностей субъектов, уровня развития их правосознания и правовой культуры, специфики правового регулирования в данной практике. Такой анализ связан с ситуационным правовым статусом субъектов. Нарушение прав и свобод может быть ответной реакцией в отношении того, кто не выполнил в полном объеме возложенных на него обязанностей, злоупотребил субъективными правом или отдельным правомочием, нарушил полностью или частично запреты, вышел за пределы ограничений.

6. Основные выводы

Юридические права и свободы формально определены в юридических документах, являются неотъемлемым элементом правового статуса субъекта, дают

¹ См. подробнее: *Тарусина Н.Н.* Доказывание по гражданским делам из семейных правоотношений: трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 254–273; *Буянова Е.В.* Некоторые процессуальные особенности рассмотрения исковых дел об усыновлении (удочерении) детей // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2015. № 23. С. 43–52.

возможность индивидуальному или коллективному субъекту выбрать правомерный вариант поведения в конкретной жизненной ситуации с учетом личных интересов, возможностей, объективных фактов, получать с эффектом «гарантированного результата» материальные и духовные ценности, в случае необходимости защищать свои законные интересы как лично в пределах необходимой самообороны, так и через систему легальных институтов гражданского общества, государства, международных организаций. В этой системе процессуально-правовая защита занимает особенное место, имеет собственный функционал, является специфической гарантией прав и свобод.

Для повышения эффективности данной гарантии сформулируем универсальную прескриптивную модель-образец¹ алгоритма деятельности любого субъекта процессуально-правовой защиты:

– идентификация субъектов – участников ситуации: кому адресованы и кто реализует права, кто взаимодействует с субъектом (субъектами) прав, законные представители субъектов, третьи лица;

– определение правоспособности субъектов и законных представителей, являются ли надлежащими субъектами прав и свобод или нет;

– выявление ситуационного правового статуса субъектов и законных представителей;

– анализ социально-психологического содержания ситуации: объекты ценности, интересы субъектов и законных представителей (а также выявление возможного конфликта интересов и способов его урегулирования), объективные факты (фактология ситуации), потенциальные и реальные возможности субъектов, методы деятельности, ресурсы, негативные и позитивные внешние факторы влияния на ситуацию и т.д.;

– установление того, какие ситуационные права, право или отдельные правомочия нуждаются в защите; чьи и какие обязанности корреспондируют им. При этом субъекту-интересанту защиты прав и свобод нужно определить:

материальную ситуацию, в рамках которой права, а иногда и обязанности участников ситуации являются объектом процессуально-правовой защиты, и

процессуальную ситуацию, логика развития которой диктуется объективным процессуальным правом и юридически выражается в комбинации процессуальных прав и свобод и обязанностей, которыми обладают участники процессуально-правовой защиты².

¹ О моделировании в цивилистических исследованиях см.: Голубцов В.Г., Валеев Д.Х. Правовое моделирование как метод цивилистического исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. Т. 3. № 3. С. 283.

² Разумеется, сказанное не означает, что не следует иметь в виду тесные связи между материальным и процессуальным правом. См., например: Валеев Д.Х., Голубцов В.Г. Методологические аспекты межотраслевых связей гражданского процессуального права // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 34–44.

Если рассматривать гражданскую процессуально-правовую защиту, то перед возникновением процессуальной правовой ситуации необходимо проанализировать, какой вид гражданской процессуально-правовой защиты (медиация, переговоры, суд общей юрисдикции и т.п.) пригоден для субъекта-интересанта, достаточны ли объем и качество его процессуальных прав для эффективной защиты, существуют ли внеправовые возможности защиты права, в том числе привлечение к проблеме внимания средств массовой информации.

Особый интерес вызывает проблема пределов гражданской процессуально-правовой защиты, поскольку последняя может рассматриваться как имеющий конкретное функциональное предназначение инструмент, пригодный для защиты одних прав и свобод в большей степени, чем других. Разграничение частного и публичного права в настоящее время стирается, что требует теоретического осмысления относительно того, пригодны ли гражданско-правовые средства для защиты публичных интересов. Так, в настоящее время складывается практика, согласно которой имущественные права государства и организаций транспорта, понесших убытки вследствие несанкционированных митингов, компенсируются за счет организаторов таких митингов в порядке гражданского судопроизводства¹. В свое время большой резонанс вызвали попытки налоговых органов требовать в порядке гражданского судопроизводства применения института неосновательного обогащения в рамках налоговых правоотношений². Наконец, на обращения пострадавших от террористических актов лиц не распространяется срок исковой давности, что позволяет защищать гражданские права таких лиц в приоритетном порядке³.

Эти проблемы, решаемые практикой, но не в полной мере осмысленные теоретиками, позволяют поставить два вопроса. Во-первых, вопрос на уровне законодателя: есть ли объективные пределы гражданской процессуально-правовой защиты, которые должен установить законодатель? Решение этого вопроса состоит в выявлении большого количества юридических, социальных, политических, культурных факторов, связанных с местом субъектов права в конкретной социально-правовой системе, с социальной значимостью и юридической природой конкретных прав и свобод. Во-вторых, вопрос на уровне субъекта гражданской процессуально-правовой защиты: если эти пределы поставлены законодателем, можно ли так истолковать принцип приоритета прав и свобод человека

¹ Петров И. Счет без чаевых // <https://rg.ru/2019/10/02/reg-cfo/sud-obiazal-organizatorov-mitinga-vyplatit-bolee-240-tys-rub-restoranu.html>.

² См.: Ахвердиев Э.А. К вопросу об обоснованности использования гражданско-правовых институтов в налоговых правоотношениях // *Налоги и налогообложение*. 2018. № 1. С. 1–6; Карасева М.В. Гражданско-правовые институты в налоговом правоприменении // *Правоприменение*. 2017. № 3. С. 42–49.

³ Путинцев А.В. Правовой режим противодействия факторам-угрозам национальной безопасности России: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021. С. 139.

и гражданина, чтобы интерпретация позволила выйти за его пределы, или следует отказаться от гражданской процессуально-правовой защиты в пользу других вариантов защиты права?

В какой-то мере сказанное выше относится к административному судопроизводству и к обращению граждан за защитой своих прав в порядке конституционного судопроизводства. Что касается других форм процессуально-правовой защиты, инициатива в которых исходит от государственных органов в публичном интересе в рамках реализации своих процессуальных полномочий (одновременно прав и обязанностей) и проявляется в активных действиях (прежде всего административно-правовая и уголовно-процессуальная формы защиты), то здесь есть существенный нюанс – вариативность выбора форм защиты при строгом соблюдении требований законности и эффективности правоприменения существенно снижена ввиду четких процедурных требований, адресованных государственным органам, тем не менее в правовом регулировании и этих форм процессуальной защиты используются диспозитивные нормы;

- насколько правомерны действия (бездействие) субъектов;
- принятие и оформление решения.

Список использованной литературы

Ахвердиев Э.А. К вопросу об обоснованности использования гражданско-правовых институтов в налоговых правоотношениях // *Налоги и налогообложение*. 2018. № 1. С. 1–6.

Буянова Е.В. Некоторые процессуальные особенности рассмотрения исковых дел об усыновлении (удочерении) детей // *Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии*. 2015. № 23. С. 43–52.

Валеев Д.Х., Голубцов В.Г. Методологические аспекты межотраслевых связей гражданского процессуального права // *Методологические проблемы цивилистических исследований*. 2019. № 1. С. 34–44.

Валиев Р.Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель // *Lex Russica*. 2020. № 4. С. 103–116.

Валиев Р.Г. Практика правового регулирования: актуализация и категоризация общетеоретического знания // *Теория государства и права*. 2021. № 4. С. 54–66.

Голубцов В.Г., Валеев Д.Х. Правовое моделирование как метод цивилистического исследования // *Методологические проблемы цивилистических исследований*. 2021. Т. 3. № 3. С. 276–296.

Карасева М.В. Гражданско-правовые институты в налоговом правоприменении // *Правоприменение*. 2017. № 3. С. 42–49.

Низамиева О.Н. О гарантирующем эффекте договоров в семейном праве // *Российская юстиция*. 2021. № 6. С. 25–32.

Низамиева О.Н. Особенности реализации регулятивной функции семейно-правовых договоров // *Lex Russica*. 2020. № 10. С. 32–40.

Погодин А.В. Субъективное право в правореализации не существует в чистом виде // *Право и государство: теория и практика*. 2015. № 10. С. 10–12.

Погодин А.В., Краснов Э.В. Право как элемент практики (практические основания интегративной теории права) // *Вестник гражданского процесса*. 2018. № 6. С. 11–26.

Погодин А.В., Путинцев А.В., Шаракишинова Т.Ч. Технологическое понимание источников права // *Образование и право*. 2018. № 9. С. 46–51.

Путинцев А.В. Правовой режим противодействия факторам-угрозам национальной безопасности России: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021. 222 с.

Тарусина Н.Н. Доказывание по гражданским делам из семейных правоотношений: трудности жанра // *Вестник гражданского процесса*. 2019. № 1. С. 254–273.

References

Ahverdiev E.A. *K voprosu ob obosnovannosti ispol'zovaniia grazhdansko-pravovykh institutov v nalogovykh pravootnosheniakh* [On the Validity of the Use of Civil Law Institutions in Tax Legal Relations]. *Nalogi i nalogooblozhenie – Taxes and Taxation*, 2018, no. 1, pp. 1–6 (In Russ.)

Buianova E.V. *Nekotorye protsessual'nye osobennosti rassmotreniia iskovykh del ob usynovlenii (udocherenii) detei* [Some Procedural Features of Consideration of Cases of Claims on Adoption (Adoption) of Children]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii – Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy*, 2015, no. 23, pp. 43–52 (In Russ.)

Golubtsov V.G., Valeev D.Kh. *Pravovoe modelirovanie kak metod tsivilisticheskogo issledovaniia* [Legal Modeling as a Method of the Civil Law Research]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*, 2021, vol. 3, no. 3, pp. 276–296 (In Russ.)

Karaseva M.V. *Grazhdansko-pravovye instituty v nalogovom pravoprimerenii* [Civil Law Institutions in Tax Law Enforcement]. *Pravoprimerenie – Law Enforcement*, 2017, no. 3, pp. 42–49 (In Russ.)

Nizamieva O.N. *O garantiruiushchem effekte dogovorov v semeinom prave* [On Guaranteeing Effect of Contracts in Family Law]. *Rossiiskaia iustitsiia – Russian Justice*, 2021, no. 6, pp. 25–32 (In Russ.)

Nizamieva O.N. *Osobennosti realizatsii reguliativnoi funktsii semeino-pravovykh dogovorov* [Features of Implementation of the Regulatory Function of Family Law Agreements]. *Lex Russica – Lex Russica*, 2020, no. 10, pp. 32–40 (In Russ.)

Pogodin A.V. *Sub'ektivnoe pravo v pravorealizatsii ne sushchestvuet v chistom vide* [Subjective Right in Law Realization Does Not Exist in Pure Form]. *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika – Law and State: Theory and Practice*, 2015, no. 10, pp. 10–12 (In Russ.)

Pogodin A.V., Krasnov E.V. *Pravo kak element praktiki (prakticheskiye osnovy integrativnoi teorii prava)* [Law as an Element of Practice (Practical Bases of the Integrative Theory of Law)]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa – Herald of Civil Procedure*, 2018, no. 6, pp. 11–26 (In Russ.)

Pogodin A.V., Putintsev A.V., Sharakshinova T.Ch. *Tekhnologicheskoe ponimanie istochnikov prava* [Technological Understanding of Sources of Law]. *Obrazovanie i pravo – Education and Law*, 2018, no. 9, pp. 46–51 (In Russ.)

Putintsev A.V. *Pravovoi rezhim protivodeistviya faktoram-ugrozam natsional'noi bezopasnosti Rossii: dis. ... kand. iurid. nauk* [Legal Regime of Countering the Factors-Threats to the National Security of Russia: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Kazan, 2021. 222 p. (In Russ.)

Tarusina N.N. *Dokazyvanie po grazhdanskim delam iz semeinykh pravootnoshenii: trudnosti zhanra* [Evidence in Civil Cases Considering Personal Family Relations: Challenges of the Genre]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa – Herald of Civil Procedure*, 2019, no. 1, pp. 254–273 (In Russ.)

Valeev D.Kh., Golubtsov V.G. *Metodologicheskie aspekty mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Methodological Aspects of Inter-Branch Relations of Civil Procedural Law]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*, 2019, no. 1, pp. 34–44 (In Russ.)

Valiev R.G. *Praktika pravovogo regulirovaniia: aktualizatsiia i kategorizatsiia obshcheteoreticheskogo znaniia* [The Practice of Legal Regulation: Actualization and Categorization of General Theoretical Knowledge]. *Teoriia gosudarstva i prava – Theory of State and Law*, 2021, no. 4, pp. 54–66 (In Russ.)

Valiev R.G. *Pravovaia institutsionalizatsiia i instituty prava: kontseptual'naia model'* [Legal Institutionalization and Legal Institutions: Conceptual Model]. *Lex Russica – Lex Russica*, 2020, no. 4, pp. 103–116 (In Russ.)

Информация об авторах

Погодин А.В. (Казань, Россия) – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: pgd13@bk.ru).

Путинцев А.В. (Казань, Россия) – кандидат юридических наук, ассистент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: chiefdom@yandex.ru).

Краснов Э.В. (Казань, Россия) – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанского (При-

волжского) федерального университета (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: adickkrasnov@yandex.ru).

Information about the authors

A.V. Pogodin (Kazan, Russia) – Doctor of Legal Sciences, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaia St., Kazan, 420008, Russia; e-mail: pgd13@bk.ru).

A.V. Putintsev (Kazan, Russia) – Candidate of Legal Sciences, Assistant, Department of Theory and History of State and Law, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaia St., Kazan, 420008, Russia; e-mail: chiefdom@yandex.ru).

E.V. Krasnov (Kazan, Russia) – Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaia St., Kazan, 420008, Russia; e-mail: adickkrasnov@yandex.ru).

Для цитирования

Погодин А.В., Путинцев А.В., Краснов Э.В. Процессуально-правовая защита прав и свобод // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 5. С. 41–59. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-5-41-59>

Recommended citation

Pogodin A.V., Putintsev A.V., Krasnov E.V. *Protsessual'no-pravovaia zashchita prav i svobod* [Procedural and Legal Protection of Rights and Freedoms]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2022, vol. 12, no. 5, pp. 41–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-5-41-59>